

Антикварная выставка не представляла собой ничего особенного: просто группа людей собралась вместе, чтобы поглазеть на экспонаты и обменяться парой фраз. Иногда такие мероприятия использовали для расширения круга знакомств, но это случалось редко, так как в этом сообществе многие привыкли смотреть на других свысока: бизнес бизнесом, а выставки — это совсем другое дело.

Гао Янь всё время следовал за Лю И. Время от времени кто-нибудь подходил поздороваться с Лю И, но тот был немногословен: кивнет, перебросится парой дежурных фраз, и на этом общение заканчивалось. Однако поведение Гао Яня немало удивило Лю И.

Это была закрытая выставка, а не рядовой антикварный рынок. Сюда приходили либо очень богатые и влиятельные люди, либо знаменитости из научных кругов и светские львы. Обычному человеку здесь делать было нечего, и Гао Янь, судя по всему, никогда раньше не бывал на подобных мероприятиях. Но с того момента, как он переступил порог, он держался невероятно спокойно. Его манера речи, интонации — всё было безупречно. Он держался с достоинством. Когда кто-то изредка предлагал обменяться визитками, Гао Янь лишь мягко улыбался и отшучивался, изящно избегая неловкости от их отсутствия.

Лю И привел Гао Яня с собой, но вскоре, словно растворившись в толпе, отошел в сторону, предоставив ему достаточно пространства.

Гао Янь бросил взгляд в сторону Лю И, но не стал приближаться, продолжая общаться с людьми и рассматривать коллекции.

Лю И молча наблюдал за ним, прищурив глаза. Он всегда знал, что Гао Янь — человек, который умеет глубоко скрывать свою суть, и годы безвестности приучили его к такому образу жизни. Но теперь Лю И понял, что ошибался. Он считал, что Гао Янь — человек крайне осторожный и дисциплинированный, но сейчас увидел, что тот на самом деле полон уверенности. И эта уверенность исходила не из его слов или умения реагировать на незнакомую обстановку, а из его взгляда и выражения лица.

В такой обстановке Гао Янь мог казаться спокойным, и кто-то мог принять это за маску, но с того места, где стоял Лю И, было видно, как непринужденно он держался. В нынешнем мире трудно найти человека, который был бы настолько невозмутим, словно он не жаждал ничего земного, ко всему относился с прохладцей, а потому не ведал ни страха, ни тревог.

Лю И приподнял бровь, осознав, что открыл в Гао Яне нечто новое, как вдруг кто-то подошел сзади:

— Господин Лю.

Лю И обернулся и кивнул:

— Здравствуйте.

Се Муянь улыбнулся:

— Вы, вероятно, меня не помните. Я знаком с Лю Хэном и Ван Иньчэном. Моя фамилия Се, зовут Се Муянь.

Появление Се Муяня для Лю И стало полной неожиданностью. Этот человек, который когда-то хотел увести Ван Иньчэна, а потом бесследно исчез, человек, чья подлинная личность до сих пор оставалась загадкой — даже сейчас, когда он появился так буднично, он заставил Лю И насторожиться.

Се Муянь, казалось, ничуть не смутился бдительности Лю И. Как и в те времена, когда он без тени стеснения проявлял интерес к Ван Иньчэну, сейчас, говоря о Гао Яне, он был абсолютно откровенен.

Стоя перед Лю И и глядя на Гао Яня, Се Муянь улыбнулся:

— Должен признать, у вас с Лю Хэном одинаково хороший вкус. Гао Янь — куда более удачный выбор, чем Гао Хуаньюй.

Се Муянь говорил неторопливо, с чувством собственного превосходства, словно они с Лю И были старыми друзьями, которые давно не виделись. Его тон был непринужденным, а манера поведения — фамиллярной:

— В этом мире редко встретишь умного и одновременно спокойного человека. Умники обычно радикалы. А такие люди, как Гао Янь — умные, проницательные, упорные и при этом невозмутимые, — это редкий вид.

Се Муянь оценивал Гао Яня так, будто был его старым знакомым; в его голосе слышалось восхищение с легким оттенком грусти. Он добавил:

— Так что, господин Лю, посмотрите сами: такого человека, как Гао Янь, каждый мечтает встретить. Вам повезло больше, чем остальным — вы встретили его первым.

Лю И молча смотрел на Гао Яня, не проронив ни слова в ответ на реплики Се Муяня. А когда он снова повернулся к собеседнику, того уже и след простыл.

Если бы подобные слова сказал кто-то другой, Лю И счел бы их просто вежливым комплиментом. Но из уст внезапно объявившегося Се Муяня они звучали как предупреждение, заставив Лю И насторожиться.

После окончания выставки Лю И и Гао Янь вышли на улицу, где их уже ждал Ху Лянь. Они сели в машину: Лю И на заднее сиденье, Гао Янь — на пассажирское рядом с водителем. Всю дорогу Лю И молча наблюдал за Гао Янем.

Ху Лянь между делом спросил:

— Ну как сегодня?

— Средне, — ответил Гао Янь.

Ху Лянь усмехнулся:

— Что значит средне?

Гао Янь повернул голову:

— Экспонаты обычные, ничего по-настоящему ценного.

Ху Лянь заметил:

— А я всегда думал, что для ценителя любой антиквариат — это история, скрытая от глаз...

— У технологий есть свои стандарты качества, у антиквариата — свои, — ответил Гао Янь. — И все эти стандарты устанавливают люди.

Ху Лянь не совсем понял, но на всякий случай кивнул.

Ху Лянь отвез Гао Яня домой, а затем должен был везти Лю И на выставку недвижимости. Когда Гао Янь вернулся, Сун Мин как раз готовил обед. Увидев Гао Яня, он удивился:

— Так быстро вернулся?

— Экспонатов было мало, — ответил тот.

Сун Мин, высунувшись из кухни, крикнул:

— Иди посмотри на своего сорванца! Погляди, не порвал ли он чего!

Гао Янь прошел в спальню и увидел, что пол в комнате усеян клочками салфеток и туалетной бумаги. Дундун сидел на ковре, играя с кубиками, а вокруг него валялись обрывки.

Гао Янь нахмурился, стоя в дверях. Услышав шаги, Дундун поднял голову, широко открыл глаза и радостно крикнул:

— Папа!

Гао Янь подошел, присел перед ним на корточки и строго спросил:

— Дундун, ты опять не слушаешься? Разве я не говорил, что нельзя рвать бумагу?

Мальчик надул губы, собираясь возразить, но, увидев непривычно суровое лицо отца и почувствовав исходящее от него напряжение, замолчал. Он опустил голову, лишь изредка исподтишка поглядывая на Гао Яня.

Гао Янь подхватил сына под мышки, перенес в гостиную и, опустившись перед ним на корточки, серьезно сказал:

— Дундун, сегодня я должен прояснить одну вещь!

Мальчик сжал губы, глядя на отца влажными глазами.

— Дундун, больше никогда не называй кого попало папой, понял? Дядя — это дядя, он не папа. Нельзя так говорить!

— О чем ты, папа?! — обиженно воскликнул ребенок.

Гао Янь взял его за маленькие ладошки:

— У тебя только один папа! Ты больше не должен называть никого папой!

Дундун смотрел на него широко открытыми глазами, не сразу поняв, о чем речь. Он ведь никогда никого не называл папой просто так! Но ребенок был смышленным, и слова о том, что папа только один, дошли до него.

Дундуну стало обидно. Он ведь не ошибся! Папа — это папа, а второй папа — тоже папа! Как это папа может быть один, если он сам говорил, что их двое?

Глаза ребенка покраснели от слез. Он пытался вырвать ручки, дергал ножками, но молчал, сдерживая рыдания, пока личико не побагровело.

— Дундун! Дундун! — испугался Гао Янь.

Мальчик продолжал молчать, сжав зубы и сдерживая плач, пока слезы градом не покатались по щекам. Гао Янь попытался обнять его, но Дундун оттолкнул его ручками и закричал:

— Папа обманщик! Папа обманщик! У меня два папы! Два!

Ребенок вырывался, не желая, чтобы его обнимали. Сердце Гао Яня разрывалось от боли. Он крепко прижал сына к себе, пытаясь удержать его бьющиеся ручонки. Дундун больше не произнес ни слова, лишь беззвучно плакал. У него был на редкость упрямый характер: если ему было больно или обидно, он не кричал, а просто отстранялся и плакал в одиночку.

Гао Янь не хотел отступать, но вид страдающего ребенка выбил его из колеи.

— Дундун, не плачь, посмотри на папу. Ну же, маленький, папа подует, и всё пройдет.

Личико мальчика стало пунцовым. Он продолжал отталкивать отца, пока наконец не разразился громким плачем. Из кухни выбежал Сун Мин в фартуке:

— Что случилось? Что с Дундуном?

Гао Янь увидел, что лицо ребенка пылает, приложил свой лоб к его лбу и отпрянул — кожа Дундуна была раскаленной.

— Вызывай машину! — крикнул он Сун Мину.

Сун Мин, не снимая фартука и тапочек, бросился вниз. Гао Янь усадил ребенка на диван и прошептал ему на ухо:

— Тише, малыш, папа больше не будет тебя держать.

Дундун свернулся калачиком, обхватив колени, и постепенно затих, но его лицо оставалось неестественно красным. Когда дыхание ребенка выровнялось, Гао Янь осторожно погладил его по спине. Вскоре он подхватил сына на руки и бросился к выходу. Дундун лежал у него на плече, нахмутив брови, и вдруг прошептал:

— Папа, мне больно!

Гао Янь почувствовал, как сердце пронзила острая боль. Он крепче прижал ребенка к себе, целуя его в затылок:

— Потерпи, малыш, скоро всё пройдет.

Дундун не ответил, его лицо стремительно бледнело. Сун Мин уже поймал такси. Водитель, увидев состояние ребенка, не задавал лишних вопросов и на полной скорости помчался к больнице.

Когда медсестры забрали Дундуна, Гао Янь на мгновение замер, чувствуя, как мир вокруг него кружится и теряет очертания. Лишь услышав торопливые шаги, он очнулся и бросился следом.

Дундуна уложили на каталку. Гао Янь коротко объяснил врачам ситуацию. Мальчик открыл глаза, его взгляд был расфокусирован.

— Папа, больно... — прошептал он.

После этого его увезли в диагностический кабинет, а Гао Яня не пустили.

Всё вокруг казалось замедленной съемкой: как Дундун медленно открывает веки, как открываются двери, как везут каталку, как блестит холодный свет на кафеле... Все эти образы словно покрылись пеленой, превратившись в острое лезвие, которое раз за разом проходило по сердцу Гао Яня.

Его конечности онемели. Он молча смотрел на закрытую дверь, не в силах сдвинуться с места. В голове эхом звучали слова сына: Папа, мне больно.

Гао Янь опустился на пол, почти сломленный.

Когда Лю И и Ху Лянь приехали в больницу, они получили известие об этом, находясь на выставке недвижимости. Лю И, который как раз собирался покупать новый дом, бросил всё и примчался сюда.

Ху Лянь, стараясь сохранять рассудок, тихо заметил:

— У Дундуна слабое здоровье, это не вина Гао Яня.

Лю И не ответил.

Дундуна перевели в стационар на 14-й этаж. Они увидели Гао Яня, стоявшего у стены в коридоре. Тот поднял глаза, почувствовав шаги.

Лю И замедлил шаг. Гао Янь смотрел на них своим обычным спокойным взглядом, словно не был удивлен их появлению. Лю И, с холодным выражением лица, подошел к нему. Ху Лянь пытался придумать, как объяснить их внезапный визит.

Лю И остановился перед Гао Янем. Тот выпрямился и спокойно сказал:

— С Дундуном всё будет хорошо.

Ху Лянь удивился, а Лю И спросил:

— Такое уже случалось раньше?

Гао Янь посмотрел в сторону палаты и кивнул:

— У него внезапно поднимается температура и болит голова из-за сниженного иммунитета.

Он говорил просто и спокойно, но Лю И не хотел слышать от него такого тона! Он хотел знать больше. Он не мог вернуть три потерянных года, но хотел знать всё о ребенке, а не слушать эти скудные фразы. Однако Гао Янь больше не проронил ни слова.

Лю И с беспокойством заглянул в палату, но увидел лишь край кровати и врачей. Ху Лянь с подозрением посмотрел на Гао Яня, но тот не выказал ни капли удивления их приходу.

Лю И почувствовал облегчение, узнав, что с ребенком всё будет хорошо, но внутри всё равно всё сжималось от тревоги. Он никогда не испытывал ничего подобного: человек, который был ему бесконечно дорог, находился так близко, но в то же время был недостижим.

Лю И посмотрел на Гао Яня. Тот снова прислонился к стене, его лицо было невозмутимым, как водная гладь. Но взгляд, которым он смотрел на Лю И, изменился. Ху Лянь мог этого не заметить, но Лю И увидел.

Лю И был умным человеком, как и Гао Янь. Когда двое умных людей стоят друг напротив друга, им не нужно гадать, о чем думает другой. В их молчании скрывалась правда, которую оба понимали, но никто не решался озвучить.

Лю И понял, что никогда не сможет до конца разгадать этого человека. Он всегда хорошо разбирался в людях, но Гао Янь был исключением.

Атмосфера стала неловкой. Ху Лянь нарушил тишину:

— Раз с ребенком всё хорошо, тебе стоит успокоиться.

Гао Янь ответил:

— Я привык.

Да, привык. За три года это случалось столько раз, что он перестал считать. С тех пор как младенец, который только и умел, что плакать в колыбели, научился говорить: Папа, мне больно, Гао Янь успел закалить своё сердце. Он не был женщиной, он не мог позволить себе слабость. Если он не будет сильным, то кто поможет маленькому Дундуну? Он привык насыпать соль на собственные раны, чтобы четко видеть свой путь.

За те двадцать лет, что клан Гао не признавал его, Гао Янь стал холодным и расчетливым человеком. А за три года с рождения Дундуна он научился быть еще сильнее.

Но для Лю И эти три года были белым пятном. Он жил в другом городе, другой жизнью, даже не подозревая об их существовании. И сейчас слова Гао Яня о том, что он привык, ударили Лю И в самое сердце. Гао Янь словно напоминал ему: что бы ты ни делал, ты не догонишь то, что было упущено. Ты здесь никто.

Ху Лянь, почувствовав, что атмосфера накаляется, тихо удалился. А Лю И, наконец, понял, что именно в Гао Яне было не так.

Сила бывает разной: у одних она идет из внутренней независимости, как у Лю И, а у других — это результат долгой жизни в невыносимых условиях, как у Гао Яня.

Гао Янь смотрел на Лю И, а затем опустил глаза, скрывая свои чувства. Вскоре из палаты вышли врач и медсестра. Врач, не узнав Лю И, кивнул Гао Яню:

— Можете войти.

Гао Янь поспешил в палату. В белой стерильной комнате он увидел Дундуна, который лежал на кровати. Лицо мальчика уже не было таким бледным, но на щеках проступил нездоровый румянец. Он спал беспокойно, его ресницы дрожали.

Гао Янь присел у кровати и коснулся его щеки:

— Дундун?

Ребенок медленно открыл глаза и, увидев отца, прошептал:

— Папа...

У Гао Яня покраснели глаза. Он посмотрел на крошечную ручку с катетером, не решаясь дотронуться, чтобы не причинить боль.

— Дундун, тебе еще больно?

Мальчик сжал губы, по его щекам покатились слезы, и он покачал головой:

— Папа, мне не больно... правда...

Гао Янь поцеловал его в щеку:

— Точно не больно?

Дундун, глядя на него влажными глазами, тихо признался:

— Только самую капельку.

Больно ли Дундуну?

Нет.

Правда?

На самом деле, еще самую капельку больно.

<http://bllate.org/book/21448/2191880>